

DOI: 10.15372/HSS20190311
УДК 281.93: 22.01"16"

Н.С. ГУРЬЯНОВА

О ФОРМИРОВАНИИ «КАНОНА СВЯЩЕННЫХ ТЕКСТОВ» У СТАРООБРЯДЦЕВ В XVII в.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена исследованию процесса формирования фонда авторитетных фрагментов текстов в XVII в., которые защитники старого обряда отбирали в качестве аргументов с целью отстоять свое право оставаться в оппозиции к официальной Церкви. Сделан вывод, что иноки Соловецкого монастыря во многом определили круг авторитетных рукописей и старопечатных книг, из которых были произведены выписки, свидетельствовавшие о нарушении реформаторами традиций Русской церкви. Они обеспечили высочайший уровень книжной культуры при оформлении используемых фрагментов текстов, что обусловило их авторитетность не только для читателей, но и для оппонентов. Все исходные тексты были объявлены «священными». Так было положено начало формированию «канона священных текстов».

Ключевые слова: Церковь, реформа, XVII в., старообрядчество, текст, канон, книжная культура.

N.S. GURIANOVA

FORMING THE «SACRED TEXTS' CANON» AMONG THE OLD BELIEVERS IN THE XVII CENTURY

Institute of History SB RAS,
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The study is devoted to forming the collection of authoritative fragments of the XVII century texts, which were selected by the Old Belief advocates as arguments to defend their right of being the official Church opposition. R.O. Krammey very precisely designated this collection as the "sacred texts' canon". It is composed of quotations of the Holy Scriptures and the patristic tradition, the works of church writers found in manuscripts and old printed books. The article shows the first period of research carried out by the church reform opponents in order to find authoritative texts indicating that Patriarch Nikon had violated the Russian Church tradition. This search started after the first steps of introducing innovations in liturgics and rite. The Solovets monastery monks largely determined the used texts' range and provided the highest level of book culture in arranging and ordering extracts from them. This fact determined the selected quotes credibility both for the common readers, and the opponents. Appealing to Gerasim Firsov's treatise "On a sign of the cross with two fingers..." and the collection compiled by Geronty allowed the author to illustrate how the Solovets monks were able not only to find the necessary quotes indicating the illegality of innovations, but to declare the original texts as "sacred" as well. This stage initiated the formation of "sacred texts' canon", which was inherited by the Old Believers' next generations. The article shows how and why the "sacred texts' canon" included publications of the Moscow Printing House in the XVII century, whose contents should be characterized as the creative heritage of Kiev Metropolia adapted for the Russian reader. Based on selected fragments of manuscripts and old-printed books, Old Believers offered solutions to the discussed questions of the rite and liturgical practice.

Key words: XVII century, Church, reform, schism, Old Believers, text, canon, book culture.

Старообрядчество всегда было в центре внимания исследователей. Удивительная способность этого религиозно-общественного движения адаптироваться к условиям окружающего мира, а также распространять популярные в народе идеи, привлекая но-

вых сторонников, обеспечила его существование на протяжении веков. Провозгласив в качестве основополагающего принцип следования старине, защитники старого обряда справедливо считаются традиционалистами.

Наталья Сергеевна Гурьянова – д-р ист. наук, главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: gurian@academ.org.
Natalya S. Guryanova – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of History SB RAS.

Речь при этом должна идти о том, что старообрядцы не только были хранителями национальных традиций, но и развивали их в условиях Нового и Новейшего времени. Отстаивая свое право оставаться в оппозиции к официальной Церкви, защитники старого обряда вынуждены были представить убедительные аргументы в пользу своей точки зрения на обсуждаемые вопросы обряда и богослужебной практики. Для этого им пришлось не только усвоить высочайший уровень культуры книжников Древней Руси, но и дополнить его вполне научными для того времени методами работы с памятниками письменности.

Противники церковной реформы сумели отыскать авторитетнейшие древние рукописи и старопечатные книги, в которых нашел отражение отстаиваемый ими вариант вероучения, представленный как традиция Русской церкви. Выписки из Священного Писания, святоотеческого предания, «Стоглава», из сочинений церковных писателей и рукописей, принадлежащих иерархам Русской церкви, составили доказательную базу незаконности и неправомерности действий по введению новшеств в литургику и обряд, осуществленных в ходе реформы, начатой патриархом Никоном.

В результате был создан фонд фрагментов текстов, которые могли помочь отстоять право оставаться в оппозиции к новшествам. Речь идет, как точно обозначил этот фонд Р.О. Крамми [1, с. 22], о «каноне священных текстов». В его формировании приняли участие многие поколения противников церковной реформы. Рукописные сборники давали возможность не только сохранить уже отобранные цитаты, но и увеличить их количество, а также круг используемых рукописей и старопечатных книг. Каждый фрагмент копировался с точным указанием на исходный текст, приводились свидетельства о его авторитетности. Опираясь на эти цитаты, защитники старого обряда предлагали решение дискуссионных вопросов обряда и богослужебной практики, излагали основы идеологии движения.

Процесс формирования «канона священных текстов» – важная научная проблема, решение которой предоставит возможность получить более полное представление о богатстве духовной жизни общин и всего религиозно-общественного движения. Традиционализм старообрядцев не вызывает сомнения, но требуется уточнить, в каких текстах, по их представлениям, нашла отражение традиция Русской церкви, защитниками которой они себя объявили. Понять это позволяет обращение к процессу отбора цитат для фонда, вернее, определить, каким образом происходило включение исходных рукописей и старопечатных книг в круг авторитетных, из которых формировался «канон священных текстов».

Раскол в Русской церкви, произошедший в середине XVII в., был результатом духовного кризиса в обществе, порожденного Смутой и попытками определить путь развития страны в условиях раннего Нового времени. Церковь оставалась важнейшим социально-политическим институтом, участвовавшим

в этом процессе. В первой половине XVII в. ею были предприняты попытки преодолеть духовный кризис, вернуть паству в лоно Церкви. С этой целью осуществлялась активная издательская деятельность Московского печатного двора, которая повысила роль печатной книги в жизни общества (об этом см.: [2, с. 16–95]).

Церковь стремилась не только обеспечить приходы богослужебными текстами, но и предоставить пастве четкое изложение обоснования особенностей русского варианта православия. В свое время, в 1551 г., в Московской Руси была совершена попытка зафиксировать единообразие в обряде и богослужебной практике в качестве традиции без особого теоретического объяснения выбранного варианта [3]. Отсутствие богословских трудов, обосновывающих ортодоксальный вариант русского православия и необходимость его оформления, обусловило обращение к сочинениям, написанным авторами в защиту православия в Речи Посполитой в конце XVI – начале XVII вв.

Ярким примером обращения к творческому наследию Киевской митрополии в связи с попытками дать населению религиозный учебник, который бы знакомил с основами вероучения и обрядовой практикой, стали издания в 1644 г. сборника «Кириллова книга», а в 1648 г. «Книги о вере». Основу текстов составили произведения с изложением идей, сформулированных православными писателями родственной митрополии (подробно об этих изданиях см.: [4; 5]). Творческое наследие Киевской митрополии оказалось востребованным в совершенно иной исторической ситуации. Привлекательность этих текстов для Московской Руси была обусловлена не только схожестью обрядов и богослужебной практики, но и восприятием действительности накануне и после заключения Брестской унии исключительно в эсхатологических категориях.

Пытаясь преодолеть духовный кризис в обществе после Смуты Русская церковь стремилась убедить население в скором воцарении в мире антихриста, если паства не обратится к истинной вере. Тексты православных авторов Киевской митрополии в адаптированном для русского читателя виде актуализировали эсхатологические сочинения периода классического христианства, которые Московский печатный двор активно издавал. Учение о конечных судьбах мира и человека оказалось в центре внимания Церкви, которая и в этом случае воспользовалась произведениями, созданными в родственной митрополии.

Процесс приспособления текстов южнорусского происхождения хорошо заметен на изданном в 1649 г. в Москве сборнике «Собрание краткия науки об артикулах веры» (описание издания см.: [6, с. 69, № 215]). Основу его составил отредактированный вариант изданного в Киеве в 1645 г. краткого катехизиса, который ассоциируется с именем Петра Могилы¹. Это было осуществлено, несмотря на то, что в родственной ми-

¹ О «Православном исповедании веры» Петра Могилы и его кратком варианте см.: [7, с. 355–392]. Публикацию текста см.: [8, с. 358–487].

трополии в 30-е годы митрополит Петр [Могила] провел реформы, унифицировавшие литургию и обрядность, ориентируясь на Константинопольскую церковь и латинскую образованность².

В заглавии-аннотации московского издания так были охарактеризованы содержание и цель, с которой предпринималась публикация сборника: «Собрание краткия науки, о артикулах веры. Сиречь о догматах, или о преданиях веры, православно-кафолическия, христианския... По исповеданию и учению святых Восточных соборных апостольския церкви, ради учения и ведения всем православным христианом, наипаче же детям учащимся» [10, л. 1 (второго счета)].

Далее на титуле помещена традиционная формула, что издается «по повелению государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Руси самодержца и по благословению великаго господина святейшаго Иосифа патриарха Московскаго и всея Руси». Обычно она помещалась в послесловиях. Возможно, в данном случае издатели включили ее в название-аннотацию, чтобы придать безусловную авторитетность тексту для читателя. При этом нигде не было упомянуто имя киевского митрополита.

Первыми в сборнике помещены три символических текста [10, л. 2–8 об.], а в конце еще один [10, л. 65–77 об.].³ Речь идет о комплексе катехетических сочинений, который оказал влияние на сочинения южнорусских православных писателей конца XVI – начала XVII вв.⁴ В XVII в. он был включен в состав московских печатных изданий. Важным представляется, что они вошли с 1647 г. в предисловные части изданий одной из важнейших богослужебных книг – простой и следованной Псалтири (об этом см.: [12, с. 231–243]).

Сборник «Собрание краткия науки о артикулах веры» явно был издан с целью предоставить пастве текст, который бы знакомил с изложением основ вероучения. Поэтому центральное место отведено краткому катехизису, озаглавленному так: «Книга Катихисис, рекше учение о вере и о нужнейших винах пристоящих к ней» [10, л. 1–64 (второго счета)]. Для сборника текст киевского издания был достаточно близко к подлиннику переведен на церковнославянский язык. При этом были внесены дополнения и немногочисленные изменения, в которых нашли отражения особенности литургии и обряда в Русской церкви этого времени. Все разночтения и дополнения указаны и прокомментированы С.Т. Голубевым при публикации текста киевского издания 1645 г. [8, с. 481–487].

По-видимому, включив особо почитаемые в православной Церкви символические памятники и внося коррективы в сочинение Петра Могила, составители сборника считали, что предоставляют читателям

необходимый текст, способный в доступной форме познакомить их с особенностями русского варианта православия. Издательская политика Русской церкви, ориентированная на тексты, написанные православными писателями родственной митрополии, была особенно активной при патриархе Иосифе. Используя сочинения, написанные авторами Киевской митрополии в защиту православия, Русская церковь адаптировала их для паствы, ориентируясь на Стоглав.

В результате все особенности обряда и богослужебной практики получили богословское обоснование и были представлены в качестве традиции Русской церкви. В этих текстах нашли отражение и эсхатологические построения православных авторов родственной митрополии, которые, по замыслу издателей, должны были убедить читателей в необходимости жить в ожидании близкого конца света. Особенно преуспел в этом автор «Книги о вере», который в 30-й главе поместил предсказание о должном произойти в 1666 г. в России «последнем» отступлении от веры, после чего в мире воцарится антихрист.

Патриарх Никон, возглавив Церковь, начал осуществлять реформу, которая преследовала цель внести изменения в обряд и богослужебную практику, ориентируясь на современный греческий образец. В вводных словах к публикации «Извещение, о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона, патриарха Московскаго и всея России» по поводу результатов церковной реформы, начатой патриархом Никоном, справедливо замечено: «В церковной жизни (патриарх Никон. – Н.Г.) вывел Московскую Русь из позиции изоляционизма среди Православных Церквей и обрядовой реформой приблизил ее к другим Поместным Церквям... подготовил каноническое объединение Великой России и Малороссии...» [13, с. 18].

Действительно, подобные нововведения, как уже было отмечено ранее, были учреждены митрополитом Петром в Киевской митрополии. Важно отметить, что они были спокойно восприняты православным населением. Это вполне объясняется разницей между культурной ситуацией в сообществе православных на Руси, характерной чертой которых оставался традиционализм, и в родственной митрополии, где под влиянием инославного окружения происходили существенные изменения в этой области. Возможно, важную роль сыграло и то обстоятельство, что киевский митрополит, вводя новшества, был менее категоричен. Например, в издание Катехизиса в 1645 г. в Киеве он вносит изменение в обряд крещения, объявляя возможным два варианта: «Тые бо вем Слова с трояким ораз погружением, албо поливанем, свершают крещение» [8, прилож., с. 410].

Как известно, патриарх Никон действовал более решительно, и последовала совершенно иная реакция на введение новшеств. Уже первые шаги по пути реформирования привели к появлению церковной оппозиции, которая постепенно превратилась в широкое общественно-религиозное движение. Первое поколение защитников старого обряда провозгласили в каче-

² О сложных взаимоотношениях Петра Могила и русской власти см.: [9].

³ Описание состава сборника см.: [11, с. 709–710].

⁴ О содержании этих сочинений и их влиянии на украинскую катехетическую традицию подробно см.: [7, с. 219–223].

стве основополагающего принцип следования старине, т.е. объявили себя хранителями традиций Русской церкви. Речь шла о литургии и обряде, которые в первой половине XVII в. были не только упорядочены, но и дополнены богословскими обоснованиями. Это позволило противникам реформы считать, что традиция РПЦ нашла отражение не только в древних рукописях, но и в изданиях Московского печатного двора первой половины XVII в.

Защитники старого обряда обратились к авторитетным памятникам письменности с целью найти аргументы, чтобы показать незаконность новшеств, введенных в результате реформы в обряд и богослужебную практику Русской церкви. Разумеется, древность рукописи, ее происхождение и принадлежность выдающимся церковным деятелям стали основополагающими при разысканиях. Найденный фрагмент, подтверждающий отстаиваемую точку зрения на обряд и богослужебную практику, должен был быть безусловным авторитетом и для реформаторов. Издания Московского печатного двора оказались очень востребованными, поскольку в них оппозиция находила богословское обоснование отстаиваемой позиции. Тексты в этой ситуации стали основными аргументами в споре.

Иноки Соловецкого монастыря, который обладал богатейшей библиотекой, начали поиски необходимых фрагментов текстов с первых шагов патриарха Никона по пути введения новшеств (об этом см.: [14, с. 360–432]). Разумеется, работа по сбору свидетельств в пользу отстаиваемой точки зрения на обряд и богослужебную практику велась не только в Соловецком монастыре, но в первую очередь именно стараниями соловецких иноков в XVII в. был определен круг авторитетных книг и рукописей, свидетельствующих о том, что патриарх Никон нововведениями нарушил традиции Русской церкви. Они проявили высочайший уровень книжной культуры при оформлении найденных выписок в защиту отстаиваемой точки зрения и представили их безусловно авторитетными для оппонентов.

Подобные подборки фрагментов текстов позволяли писать челобитные на имя государя, а также сочинения, в которых обосновывалось право оставаться в оппозиции к новшествам. Ярким примером использования цитат из авторитетных рукописей и старопечатных книг в качестве аргументов при доказательстве, что двуперстие есть традиционная форма крестного знамения в Русской церкви, является трактат Герасима Фирсова «О сложении перстов...» [15]. В 1666 г. сам автор, как сообщается в «Сказке о допросе Герасима в Иосифовом монастыре 18 авг. 1666 г.», следующим образом охарактеризовал его содержание: «...я на прелесть никакова списания не списывал, что писал о сложении перстов десныя руки, им же воображаем крестное знамение, и то я писал от Божественнаго Писания, и что ис которых книг взято, их же соборная и апостольская Церковь приемлет, то в тех тетратех и помечено» [16, с. 113–114].

В данном случае важно, что Герасим Фирсов заявил о справедливости отстаиваемой точки зрения на двуперстие, поскольку «писал от Божественнаго писания». При этом подчеркнул, что использовал выписки из книг, которые «приемлет» Церковь, о чем свидетельствуют оформленные на них ссылки. Действительно, в трактате были представлены соответствующие фрагменты и их интерпретация в пользу отстаиваемой точки зрения. Другой соловецкий инок, взяв за основу произведение Герасима Фирсова, решение вопроса о форме крестного знамения представил почти исключительно в цитатах из рукописей и старопечатных книг. Обращение к составленному Геронтием сборнику позволит более ясно представить процесс формирования «канона священных текстов».

В рукопись РГБ, собр. Егорова, № 706, введенную в научный оборот О.В. Чумичевой, Геронтий включил в систематизированном по темам виде все отобранные к 60-м гг. XVII в. противниками церковной реформы цитаты [17]. Во второй части сборника он поместил яркие публицистические произведения, в которых, опираясь на эти выписки из рукописей и старопечатных книг, предложил решение спорных вопросов обряда и богослужебной практики. По замыслу составителя, соединение фрагментов текстов, снабженных соответствующими заголовками-комментариями, и их осмысление в авторских сочинениях должны были сделать более убедительной позицию противников новшеств (подробно об этой рукописи см.: [18]).

В круг авторитетных были включены тексты Священного Писания, святоотеческого предания, сочинения иерархов Русской церкви. Выписки из древних рукописей и старопечатных книг с указаниями на исходный текст придавали уверенности в том, что патриарх Никон ввел новшества, которые не соответствовали традициям. Для русского человека, естественно, это было убедительным доказательством неправомерности действий реформаторов. Не случайно в «Книге соборных деяний... в лето 7175 и 7176», уже после лишения Никона патриаршего достоинства, было заявлено: «Зане Никон, бывший патриарх, повеле книги исправляти и преводити не собою, но советом благочестивейшаго государя нашего, царя и великаго князя Алексея Михайловича..., благословением же и советом святейших вселенских патриархов... и всего освященного собора из греческих и древних славенороссийских харатейных книг...» [19, с. 209].

После такой характеристики книжной sprawy было подчеркнуто, что собравшиеся якобы сами «испытахом и разсмотрим подробно» эти древние книги и убедились в справедливости внесенных исправлений. Традиционализм был характерен не только для противников реформы, но и для ее сторонников. Следовательно, аргументы защитников старого обряда были для всех значимы. По-видимому, для иерархов важным оказалось обращение к Стоглаву, текст которого придавал уверенность оппонентам в справедливости отстаиваемой точки зрения. В «Книге соборных деяний...» уделили особое внимание этому тексту,

объявив «той собор не в собор, и клятву не в клятву, но ни во что вменяем, якоже и не бысть» [19, с. 221]. Поскольку, как объяснено далее, «той Макарий митрополит, и иже с ним, мудрствоваша невежеством своим безразсудно, якоже восхотеша сами собою, не согласяся с греческими и древними харатейными словенскими книгами» [19, с. 221].

Обращает на себя внимание тот факт, что и та, и другая сторона апеллируют к древним «греческим и словенским» книгам, отстаивая свою точку зрения. При этом противники церковной реформы действительно ссылаются на конкретные рукописи и старопечатные книги, предоставив их описание и цитируя выписки из них. Их оппоненты только заявляют о том, что книжная справа проводилась по этим книгам, а когда речь шла о таком тексте, как Стоглав, то иерархам пришлось отречься от этого соборного постановления, объявив его текст «не согласным» с греческими и древними «харатейными словенскими книгами».

Защитники старого обряда, находясь в оппозиции, вынуждены были не только доказывать авторитетность текста, который использовали, но и отстаивать свое право употреблять каждый отобранный фрагмент в качестве аргумента. Это особенно хорошо заметно в сборнике Геронтия. Соловецкий инок в разделе «Изложение православные христианские веры...», обсуждая вопрос о форме крестного знамения, естественно, ссылаясь и на авторитет Стоглава. Но подошел к этому очень продуманно. При этом он явно ориентировался на сочинение Герасима Фирсова «О сложении перстов...», повторив последовательность аргументов и ссылки, помещенные на полях. В результате цитаты из соборного постановления оказались ключевыми при решении вопроса о форме крестного знамения.

В 31-й главе соборного постановления после утверждения формы крестного знамения в качестве аргументов в пользу двуперстия приведены ссылки на «списания преподобных отец наших Мелетия и Феодорита» с воспроизведением цитат из них [3, с. 99–100]. Геронтий, как и Герасим Фирсов, явно стремился, чтобы текст о двуперстии прозвучал более убедительно, поэтому аргументацию в пользу данной формы крестного знамения начинает с воспроизведения этих текстов. Первым он поместил фрагмент, озаглавив его так: «Святейшаго патриарха Антиохийскаго. О крестном знамении». На поле составитель указал, откуда скопирован текст: «Псал., друк. Мос., 7150-го год. Книга Кирил. Иерос. Сл. О кресте, гл. 14, лист 183»⁵. Действительно, дословно воспроизведен текст из московских печатных изданий – из Предисловной части Псалтири и из 14-й главы сборника «Кириллова книга»⁶.

Следом помещено так называемое слово Феодорита с указанием на поле, откуда скопировано: «Псал. Друк. Мос.; Кирил. Иерос. Сл. О Кресте, гл. 14; Книга

новая о вере, глава 9 и в Хронографах вначале»⁷. После этого представлены выписки из авторитетных рукописей, из произведений Петра Дамаскина и Максима Грека, в которых объяснялся символический смысл двуперстия⁸. По-видимому, посчитав, что читатель достаточно подготовлен к соответствующему восприятию решения Стоглавого собора, составитель привел начало 31-й главы, введя его следующим образом: «Книга Стоглав против царскаго вопросу. Соборное уложение о том же крестном знамении». Окончание цитаты, как и у Герасима Фирсова, обозначено так: «И сия убо книга она Стоглав»⁹.

В трактате «О сложении перстов...» более подробно излагается история появления текста Стоглава [15, с. 168]. Возможно, поэтому Геронтий только подчеркнул, что в Стоглаве нашло отражение соборное уложение, которое было составлено в ответ на царские вопросы. В приведенном тексте утверждалось в качестве единственной формы крестного знамения двуперстие, а также сообщалось о проклятии: «Аще ли кто двема персты не благославляет, якоже и Христос или кто не воображает двема персты крестнаго знамения, да будет проклят – святити отцы рекоша»¹⁰. Следующая выписка представлена, как и у Герасима Фирсова, в таком виде: «Грамматика киевская печать. О знамении крестном»¹¹. При этом скопирован текст Стефана Зизания, в котором дано богословское объяснение двуперстия¹².

Составитель сборника мог воспроизвести это разъяснение символики двуперстия по московским изданиям, в которые оно было включено в церковнославянском переводе (об этом см.: [21, с. 100]), но предпочел вслед за другим соловецким иноком обратиться к южнорусскому изданию конца XVI в. Следовательно, первое поколение защитников старого обряда фонд «священных текстов» не только составили из фрагментов, скопированных из древних рукописей и старопечатных книг, но ввели в круг авторитетных и произведения православных писателей Киевской митрополии.

После цитат, которые приведены в качестве аргументов в пользу двуперстия, помещен фрагмент из трактата Герасима Фирсова: «И сия убо сие вся выше писанная о крестном знамении и о сложении перстов десныя руки свидетельства от священных правил и богоносных отец. Подобне же и согласно сим обретается и во инех священных книгах, глаголю же, в Хронографе, сиречь в летописце, глава. В книге святого Кирила Иерусалимскаго, в ней же собрано многих святых отец

⁷ Там же. Л. 52 об. – Ср.: «Псалтырь Московской друкарни, Кирила Иерусалимскаго слово о кресте, глава 14. Книга новая о вере, глава 9» [15, с. 153].

⁸ РГБ. Собр. Егорова. № 706. Л. 53 – 55 об.

⁹ Там же. Л. 55 об.–56 об. Ср.: [3, с. 97–98].

¹⁰ Там же. Ср.: [3, с. 98].

¹¹ Описание издания см.: [20, с. 126–130, № 36]. Ср.: [15, с. 170].

¹² Нач.: «Замыкает в себе Крест Христов...» до слов: «А тогда праведницы не толко людей грешных, але и ангелов згрешивших осудят». – РГБ. Собр. Егорова. № 706. Л. 56 об.–57 об. Ср.: [15, с. 170–171]. Об этой статье см.: [21, с. 98–99].

⁵ Российская государственная библиотека (РГБ). Собр. Егорова. № 706. Л. 52. – Ср.: «Псалтырь Московской друкарни 7150 году, Книга Кирилла Иерусалимскаго, слово о кресте, глава 14» [15, с. 148].

⁶ РГБ. Собр. Егорова. № 706. Л. 52–52 об.

писания о святей Троице и на еретики, о кресте, глава 14. В книге, иже О вере, о кресте, глава 9. И в книге глаголемей Катихисис, в четвертом артикуле веры»¹³.

«Священными книгами» объявлены, кроме главы Хронографа¹⁴, издания Московского печатного двора, составленные из текстов, которые следует охарактеризовать как адаптированное для русского читателя творческое наследие Киевской митрополии. Составитель сохранил и объяснение Герасима Фирсова, почему тот не привел большее количество фрагментов с призывом ко всем желающим самим обратиться к исходным текстам: «Их же множества ради не положих zde, усердствуя, иже да не обленится самая оны книги внимательне почести и обрящет во всех тех согласно вышеписанным zde о подлежащей вине»¹⁵.

Далее Геронтий поместил цитаты из Потребника московской печати о проклятии католиков и из Кормчей о проклятии ересей, а следом воспроизвел начало главы Стоглава «О крестящихся не по чину», указав на исходный текст – «Стоглав. 32 глава»¹⁶. Составитель сборника явно стремился убедить читателей в том, что традиция Русской церкви, утвержденная соборным решением, нашла отражение в произведениях церковных писателей, в изданиях Московского печатного двора. В круг авторитетных текстов им, вслед за Герасимом Фирсовым, были включены и книги, напечатанные в Киевской митрополии. При решении вопроса о форме крестного знамения Геронтий, приведя соответствующие цитаты из памятников письменности в защиту двуперстия, объявил, процитировав фрагмент из трактата «О сложении перстов...», исходные тексты «священными книгами».

Скорее всего, для первого поколения защитников старого обряда характерной чертой была не только убежденность в том, что они отстаивают традиции и истинную веру, но и уверенность, которую с такой определенностью высказал на допросе Герасим Фирсов – «то я писал от Божественного Писания». Указав на то, что все использованные им книги обозначены в сочинении, он подчеркнул соответствие их содержания истинному вероучению.

Обращение к сборнику, составленному Геронтием, позволило проследить, каким образом соловецкие иноки формировали «канон священных текстов», который был унаследован следующими поколениями старообрядцев. При оформлении идеологии вновь образованных согласий в следующем столетии они сумели не только использовать отобранные фрагменты, но и значительно увеличить их количество, расширить

и круг исходных текстов, а также дополнить вполне научными для того времени методами работы с памятниками письменности.

Список литературы

1. Crummey R.O. OLD Belief as Popular Religion. New Approaches // Old Believers in a Changing World. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2011. P. 17–27.
2. Поздеева И.В. Московский печатный двор в жизни российского общества и государства XVII века // Поздеева И.В. Человек. Книга. История. Московская печать XVII века. М.: Фантом-пресс, 2016. С. 16–132.
3. Стоглав: Текст. Словоуказатель. М.; СПб.: Ин-т рос. истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 320 с.
4. Опарина Т.А. Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск: Наука, 1998. 429 с.
5. Савельева Н.В. К вопросу о допечатной традиции «Книги о вере» иеромонаха Гедеона, игумена Бизюкова монастыря: из истории бытования списка М.А. Оболенского // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). Вып. 5 / отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 15–38.
6. Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М.: ГБЛ, 1958. 152 с.
7. Корзо М.А. Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI–XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 672 с.
8. Голубев С.Т. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. (Опыт церковно-исторического исследования). Приложение. Киев: Тип. Корчак-Новицкого, 1883. 498 с.
9. Флоря Б.Н. Киевский митрополит Петр (Могила) и русская власть: эволюция взаимоотношений // Вестник церковной истории. 2013. 1/2 (29/30). С. 179–187.
10. Сборник «Собрание краткая науки о артикулах веры». М.: Московский печатный двор, 1649. 88 л.
11. Мирзоян А.Г. Описание литературного состава русских старопечатных сборников XVII в. // Демин А.С. Древнерусская литература: Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Иллариона до Ломоносова. М.: Языки славянских культур, 2003. С. 676–712.
12. Вознесенский А.В. К истории славянской печатной Псалтири. Московская традиция XVI–XVII веков. Простая Псалтырь. М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2010. 680 с.
13. Патриарх Никон. Труды / Научное исследование, подготовка документов к изданию, составление и общая редакция В.В. Шмидта. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 1264 с.
14. Сапожникова О.С. Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2010. 560 с.
15. Фирсов Герасим. «О сложении перстов, еже которыми персты десная руко подобает всякому православному христианину вообразити на себе знамение честнаго креста» // Никольский Н. Сочинения соловецкого инок Герасима Фирсова по неизданным текстам (К истории северно-русской литературы XVII века). СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1916. С. 145–196.
16. Дело о соловецком старце Герасиме Фирсове // Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. СПб.: Братство святого Петра Митрополита, 1878. Т. III: Акты относящиеся к истории Соловецкого мятежа. С. 107–115.
17. Чумичева О.В. «Ответ вкратце Соловецкого монастыря» и Пятая соловецкая челобитная (взаимоотношения текстов) // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск: ВО «Наука», 1998. С. 59–69.
18. Гурьянова Н.С. «Книга» Геронтия Соловецкого // Общественное сознание и литература России: Источники и исследования. Новосибирск, 2008. С. 3–21.
19. Книга соборных Деяний 1667 г. // Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина.

¹³ РГБ. Собр. Егорова. № 706. Л. 57 об. – 58. – См.: [15, с. 171].

¹⁴ По-видимому, речь идет о дополнительной главе из рукописного Хронографа с изложением особенностей обряда Русской церкви.

¹⁵ РГБ. Собр. Егорова. № 706. Л. 58.

¹⁶ Нач.: «Мнози неразумнии человецы махающе рукою по лицу своему...» До слов: «А кто не внимает, не послушает благаго наказания, да будет отлучен». – РГБ. Собр. Егорова. № 706. Л. 59–59 об. Ср.: [3, с. 100]. Об этом сочинении и воспроизведение фрагмента см.: [21, с. 52–53, 103].

М.: Братство святого Петра Митрополита, 1876. Т. 2. Ч. 2.: Акты, относящиеся к собору 1666–1667 года. С. 187–412.

20. *Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта* / сост. В.И. Лукьяненко. Л.: [б.и.], 1973. Вып. 1. 196 с.

21. *Успенский Б.А.* Крест и круг: Из истории христианской символики. М.: Языки славянских культур, 2006. 488 с.

References

1. *Crummey R.O.* Old Belief as popular religion. New approaches. *Old Believers in a changing world*. DeKalb, 2011, pp. 17–27.

2. *Pozdeeva I.V.* Moscow printing house in the life of the Russian society and state of the XVII century. *Pozdeeva I. V. Chelovek. Kniga. Istoriya. Moskovskaya pechat' XVII veka*. Moscow, 2016, pp. 16–132. (In Russ.)

3. *Stoglav*: text. Word index. Moscow, Saint Petersburg. 2015, 320 p. (In Russ.)

4. *Oparina T.A.* Ivan Nasedka and polemical theology of the Kiev Metropolia. Novosibirsk, Nauka, 1998, 429 p. (In Russ.)

5. *Savel'eva N.V.* On the issue of pre-printing tradition in “Book of Faith” by Hieromonk Gedeon, Father Superior of Bizyukov monastery: the history of M.A. Obolensky copy. *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.)*. Moscow, 2013, iss. 5, pp. 15–38. (In Russ.)

6. *Zernova A.S.* Books in the Cyrillic script published in Moscow in the XVI–XVII centuries: united catalog. Moscow, GBL, 1958, 152 p. (In Russ.)

7. *Korzo M.A.* Ukrainian and Belorussian catechetical tradition of the late XVI–XVIII centuries: formation, evolution and a problem of borrowing. Moscow, Canon+ ROOI “Rehabilitation”, 2007, 672 p. (In Russ.)

8. *Golubev S.T.* Kiev Metropolitan Petr Mogila and his associates. (The experience of church historical research). Applications. Kiev, Korchak-Novitsky Tip., 1883, 498 p. (In Russ.)

9. *Florya B.N.* Metropolitan of Kiev Petr (Mogila) and the Russian power: relationships' evolution. *Vestnik tserkovnoy istorii*, 2013, no. 1/2, pp. 179–187. (In Russ.)

10. Collected Brief Instructions on Articles of Faith. Moscow Print. House, 1649, 88 sh. (In Russ.)

11. *Mirzoyan A.G.* Description of the literary composition of Russian old printed collections of the XVIII century. *Demin A. S. Drevnerusskaya literatura: opyt tipologii s XI po seredinu XVIII vv. ot Illariona do Lomonosova*. Moscow, 2003, pp. 676–712. (In Russ.)

12. *Voznesenskiy A.V.* On the history of the Slavic printed Psalter. Moscow tradition of XVI–XVII centuries. Common Psalter. Moscow, Saint Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2010, 680 p. (In Russ.)

13. *Schmidt V.V. (ed.)* Patriarch Nikon. Works. Moscow, MSU Publ. House, 2004, 1264 p. (In Russ.)

14. *Sapozhnikova O.S.* A Russian scribe of XVII century. Sergius Shelonin. Editorial activities. Moscow, Saint Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2010, 560 p. (In Russ.)

15. *Firsov G.* A sign of the cross with two fingers for every Orthodox christian. *Nikol'skiy N. Sochineniya solovetskogo inoka Gerasima Firsova po neizdannym tekstam (k istorii severno-russkoy literatury XVII veka)*. Saint Petersburg, 1916, pp. 145–196. (In Russ.)

16. The case of Solovetsk elder Gerasim Firsov. *Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya*. Saint Petersburg, 1878, vol. 3, pp. 107–115. (In Russ.)

17. *Chumicheva O.V.* “A brief answer of the Solovetsky monastery” and the Fifth Solovetsky petition (relationship of texts). *Issledovaniya po istorii literatury i obshchestvennogo soznaniya feodal'noy Rossii*. Novosibirsk, 1998, pp. 59–69. (In Russ.)

18. *Gur'yanova N.S.* “Book” by Geronty Solovetsky. *Obshchestvennoe soznanie i literatura Rossii*. Novosibirsk, 2008, pp. 3–21. (In Russ.)

19. Book of the Council acts in 1667. *Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya*. Moscow, 1876, vol. 2, pt. 2, pp. 187–412. (In Russ.)

20. *Luk'yanenko V.I. (comp.)* Catalog of Belorussian editions in the Cyrillic font. Leningrad, 1973, 196 p. (In Russ.)

21. *Uspenskiy B.A.* Cross and circle: On the history of Christian symbolism. Moscow, Yazyki slav. kul'tur, 2006, 488 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 04.07.2019